

малого юса, так же как и повернутого ю, которое иногда встречается в Изборнике Святослава 1073 г., но никогда не появляется в русских рукописях XII в.

Мы сознательно не поставили в эту группу македонских текстов Погодинскую псалтирь, которая, по Кульбакину и П. А. Лаврову, относится к рубежу XII и XIII вв., а по В. Н. Щепкину — к первой половине XIII в. По своему правописанию она примыкает к группе восточных, тырновских текстов, а по графике стоит в близкой связи с графикой русских рукописей конца XII и начала XIII в. С этой же графикой несколько более раннего периода стоит в связи и письмо дьяка Григория в евангелии князя Мирослава.

Не имея возможности цитировать все русские рукописи XII в., в которых встречаются формы букв, аналогичные письму дьяка Григория, укажу лишь на наиболее близкие аналогии. Таковые имеются, например, в письме Галицкого евангелия 1143 г.: здесь встречаем и высокую омегу с расходящимися боками наряду с формой с несколько спущенной серединой; ѣ с коромыслом на верхней линии, над которой иногда едва возвышается верх мачты, а иногда его и вообще нет, как и у дьяка Григория; а с петлей до нижней линии, иногда с несколько заостренной, а иногда с овальной петлей; ч с малой, но симметричной вилкой; ж с пересечением линий в верхней части слова, но симметричной формы и т. д. Но существует памятник, который имеет еще большее сходство с графикой Григория, — грамота князя Мстислава 1130 г. И здесь находим те же формы для а, ч, э, ж, ѣ, омегу двух типов и др., а главное — совершенно тот же общий характер красивого уставного письма, каллиграфически безупречного, безыскусственного в смысле художественных украшений, которое находим и в Аллилуариях дьяка Григория в конце Мирославова евангелия. Мне кажется, что именно этот тип безыскусственного уставного письма, который, вероятно, был общим в обиходе княжеских канцелярий в середине XII в., мог послужить образцом для выработки графического типа письма дьяка Григория и школы, к которой он принадлежал. В своих основных чертах этот тип проявляется и в обоих почерках Вулканова евангелия первых годов XIII в., а дальнейшее его развитие может быть хорошо прослежено по письму минеи Братка четвертого десятилетия XIII в., грамоте Уроша I середины XIII в., Иловичской Кормчей 1262 г., Хиландарского Шестоднева 1263 г. и Тодоровых листков 1277 г. до стильного каллиграфического устава эпохи короля Милутина.

В начале этой эволюции, в конце XII — начале XIII в., письмо русских и сербских памятников весьма схоже. Но к середине XIII в. линии их развития снова расходятся. На Руси после нашествия татар, в эпоху феодальной раздробленности, как известно, теряется общий тип уставного письма и создается ряд местных типов; формы теряют геометрическую правильность, что особенно проявляется в набухании нижних петель и редукции верхних частей отдельных слов (особенно в и ж), подъеме перекладин у и, и и в йотированных буквах, в изменении горизонтального положения перекладин в косое, в сильном поднятии мачты у ѣ, в появлении косога, а потом и лежащего е и т. д. Все это к концу XIII в. приводит к формированию нового несимметричного типа младшего русского устава. В сербском письме XIII в. точно так же поднимается мачта у ѣ, сокращаются верхушки в и ж, набухают нижние петли, но буквы не теряют общего характера геометрической правильности, которым отличается и новый тип сербского каллиграфического устава, сформировавшийся уже около середины XIII в. и державшийся до появления полуустава в середине XIV в.